

Антонина Павловна Скидан – житель блокадного Ленинграда. Каждый год в памятные дни снятия блокады она вспоминает давние события своего трудного детства. Ученики второй Коммунарской школы приглашают Антонину Павловну к себе на урок мужества, и она рассказывает о блокадном труде и голоде. В этом году Антонина Павловна также была гостьей города Шлиссельбурга, где чествовали членов общественной организации «Жители блокадного Ленинграда» Гатчинского района. Смотрела концерт, показанный ветеранам ВЦДКиТКоммунара в честь освобождения наших земель от фашистских захватчиков. Не отказала Антонина Павловна в беседе и нам, корреспонденту газеты и ученику 9 класса Антону Томилову. Антон интересуется историей Великой Отечественной войны.

- Скажите, Антонина Павловна, - спрашивает он, - где была Ваша семья во время блокады Ленинграда?

- Мои родители жили тогда на правом берегу Невы недалеко от Володарского моста, работали в совхозе «Халтуринец». В 1939 году отца взяли на финскую войну, воевал, потом четыре месяца находился в окружении, и мы получили на него шесть похоронок. А в 1940 году он вернулся, живой, но раненый, беспальный инвалид. В июне 1941 года он вновь ушел на фронт уже Великой Отечественной войны, но осенью пришел домой: его беспальная кисть не могла удерживать снаряды, и его комиссовали. Наверно, все мы выжили благодаря тому, что отец находился дома и вновь работал в совхозе. А семья была большая: уже в начале войны мама родила пятого ребенка, девочку, а я была старшей, и мне было десять лет.

В сентябре 1941 года я ходила в школу, и 3 октября тоже пришла. Но нас, детей, не стали учить, а погрузили на пароход и повезли куда-то. Мы обрадовались, думали, на экскурсию. На самом деле – в эвакуацию на Новую Землю. Кто-то сказал об этом маме, а она работала неподалеку, резала капусту. И вот она и еще три женщины бегут по берегу Невы за пароходом, плачут, кричат. Кричим на палубе и мы. Тогда капитан причалил и высадил на берег одиннадцать человек, меня в том числе. Пароход пошел дальше. Но только повернул к Невскому лесопарку – началась бомбежка, разбомбило и пароход, и детей, и учителей.

Больше этой осенью я не училась, а стала работать в совхозе. Мы, дети, выдергивали из земли, обрезали, грузили и возили овощи: капусту, морковь, редьку. На холоде, без перчаток. Все работали на совесть, все старались, и мальчики, и девочки, и младшие, и постарше. По шесть часов в день работали. Я, хоть и маленькая, запрягала лошадь, возила капусту. Когда начался голод, пошла как-то домой, а в руке три капустных листка. Навстречу – председатель Кузьма Степанович: «Румянцева (моя родительская фамилия), это воровство. Еще раз увижу – под суд отдам». С этим было очень строго, бывали случаи – судили за горсть зерна, отправляли в тюрьму, дети сиротами оставались. А нам мама лепешки пекла, рецепт такой: сушеные картофельные очистки, отруби, квашенная в 1936 году капуста. Ее приносил в кармане плаща отец, стороживший совхозный огромный чан, закопанный в землю в 1936 году. Тогда был хороший урожай, капусту сквасили, и председатель Кузьма Степанович сказал: «Пусть стоит в чане, вдруг не хватит корма коровам». Вот капуста и пригодилась в блокадные дни, кормились и люди, и коровы.

Маленькая Алла, рожденная мамой в начале войны, умерла от голода. Помню, как трехлетняя сестра Зина сидела на табуретке, раскачивалась и с закрытыми глазами тоненько без перерыва говорила: «Леба хочу. Леба хочу». А у нее за спиной – шкаф, там лежал кусок хозяйственного мыла. Она его щиплет – и в рот. Все ходили опухшие от голода.

- Я читал о том, что в блокадном Ленинграде не осталось ни собак, ни кошек: голодные люди превращали животных в пищу. Так ли это? – интересуется Антон.

- Да. У нас был большой белый сибирский кот. Однажды он исчез бесследно. И собак тоже всех перевели, по улицам, как прежде, они не бегали.

Весной 1942 года стало полегче: и норму хлеба прибавили, и мерзлая картошка с кочерыжками и крапивой шли в пищу. За хлебом для семьи ходила в магазин я. Вставала всегда сама, без будильника, в пять часов утра. А то, если не достанется хлеба, то его уже и не будет. Нам давали буханку хлеба и еще маленький довесок. За счет этого довеска я и ходить могла, и не сильно опухала. Довесок я съедала так: разогрею его прямо в магазине у печки, он станет таким объемным, я его и съем. Силы нужны. Ведь потом понесу хлеб себе домой, одинокой старухе-соседке, старику-дворнику со старухой. Сами они ходить не могли. Однажды принесла хлеб дворнику дяде Коле, а он лежит. Говорит: «Умираю. Мне бы хоть вот такой кусочек сахару...». Побежала я за сахаром по соседям, кто-то отщипнул крошечку. Принесла сахар дяде Коле, и он не умер, еще три месяца жил. Фронт проходил рядом с нами, в совхозе стояли наши солдаты. Каждый день стреляли, бомбили. Брат Миша очень этого боялся. В самом начале блокады, когда убило бомбой трактористку, мать шестерых детей, наш Миша спрятался под кровать, и его долго искали. Потом всегда от бомбежек прятался. И все же наша семья выжила, детей, кроме Аллы, не потеряла.

Сохранили в совхозе и коров. Когда прогнали фашистов, папа, я и сестра Дуся стали пасти коров. За это нам платили молоком. А в 1946 году родители взяли нас, детей, и переехали жить и работать в Выборг. Отцу, когда он возвращался из Финляндии, очень понравился Выборгский вокзал. А в Коммунар переехали еще позже – отца позвал сюда его брат. Я работала на фабрике «Комсомолец», на Антропшинской фабрике, потом в других местах. Детей растила. До 75 лет работала. Сейчас вот отдыхаю.

- Антонина Павловна, мне интересно знать, а откуда Ваша семья приехала в Ленинград? - спрашивает Антон.

- Из Псковской области. Там родина и отца, и матери. Брат мой Миша как-то съездил в те места. Деревню Тройнику – родину отца – фашисты сожгли в войну вместе с жителями. Так она и не возродилась. Все травой заросло. А мамина родина – деревня Туровец – пока жива.

- Мои предки – тоже псковичи. Мой прадед воевал на полях Псковщины, недавно нашли танк, в котором он погиб, - говорит Антон. – А прабабушка во время войны ездила на работу в Ленинград, чтобы иметь продуктовые карточки. Она много рассказывала мне о войне.

- А вот еще случай любопытный расскажу, - продолжает Антонина Павловна. – За Невским лесопарком жила гадалка. Кто-то ей верил, кто-то нет. Но война – это такая беда, тут не хочешь, да поверишь. Отец мой тогда пропал на финской войне, и мама с подружкой Груней, тоже солдаткой, решили пойти к гадалке, спросить, где их мужья. Груня взяла десяток яиц – заплатить за гадание, а мама – деньги. И ведь правду сказала та гадалка солдаткам: к Груне муж вернулся, а потом пропал, а мой отец оказался в блокаду спасителем всей семьи. А в 1948 году у них с мамой родилась еще одна дочка - Галина. Несмотря на ранения, голод, тяжелый труд, он прожил семьдесят один год, вместе с мамой вырастил детей и помогал воспитывать внуков.

- В нашей семье тоже чтят память дедов и прадедов, - говорит Антон. – Я думаю, они по-настоящему героические люди, те, кто пережил Великую войну. А блокадники совершили подвиг уже тем, что просто выжили, не дали угаснуть жизни в Ленинграде. Спасибо за это Вам, Вашим родным, близким, низкий поклон всем членам общественной организации «Жители блокадного Ленинграда»!

Записала А.Виноградова

Опубликовано в газете «Комминфо», 2015 год, февраль